

истати, В. Я. Брюсов нашел такую меру «неуместной и неэстетичной».

Комментатору неминусе надо объяснить такую, к примеру, фразу: «... честный Евтихий теперь нужнее этик эстетов». Можно поручиться, что драматурга Евтихия Карпова, которого имеет здесь в виду Городецкий, помнят лишь считанные читатели, не принадлежавшие к цеху литературоведов и искусствоведов.

Совсем невозможно оставить без комментариев такие строки: «Тогдашние Маяковские — Тан-Богораз и Скиталец уже приучили своего читателя к мистическому изображению в стихах рабочего, столь же похожего на реального рабочего 9-го января, как теперешний какой-нибудь «людогусь» похож на живого динамовца или прохорова». Я уж не говорю, что не худо было бы объяснить, кто такие «динамовец» и «прохоровец», но как-то прокомментировать уничижительное сравнение Маяковского с Таном и Скитальцем нужно непременно. Еще труднее понять современному читателю, не знающему в подробностях реальной литературной ситуации двадцатых годов, почему для Городецкого герой стихов Маяковского (это ведь он — «людогусь») не имеет ничего общего с реальным рабочим. Эти строки ведь писались в 1929 году, когда их автор мог уже знать лучшие стихи Маяковского о рабочем классе.

В издании статей и воспоминаний, которые были написаны много лет назад, в определенной исторической и литературной обстановке, которые отражают и эту обстановку, и зигзаги памяти мемуариста (сам Городецкий в 1919 году писал «Вихрь событий ослабляет память, недавнее кажется давним...»), совершенно необходимы комментарии, не только восстанавливающие контекст эпохи и литературной борьбы, но и исправляющие промахи автора. А исправлять их часто бывает нужно. Вот лишь два примера. В своей автобиографии Городецкий пишет: «Выдумали акмеизм (Гумилев предлагал «адаமிழм»)». Я хотел привлечь и Блока в наш кружок, но он ответил собственной статьей «Без божества, без вдохновенья». Автор примечаний должен сказать о том, что именно Городецкий был застрельщиком разговоров об «адаமிழме» в кругу «Цеха поэтов» (сославшись при этом на известную его статью «Некоторые течения в современной русской поэзии», которая неоднократно перепечатывалась в наши дни). Надо было также исправить хронологическую путаницу: акмеизм оформлялся в 1912 году, а статья Блока «Без божества, без вдохновенья» была последней из написанных поэтом и датируется она 1921 годом (опубликована посмертно).

Однако, говоря все это, я полагаю, что упрекать составителя книги и автора примечаний В. Енишерлова было бы не вполне справедливо. Он давно известен как знаток творчества С. Городецкого, публикатор и комментатор его наследия, и, без сомнения, мог бы выполнить эту работу на достойном уровне. Но, к сожалению, большинство наших издательств считает возможным выпуск книг, не снабженных необходимым справочным и вспомогательным аппаратом, — без расширенных комментариев, указателей и пр. Думаю, что это в высшей степени неверно. Никакая внешняя красота книги (а в рецензируемом издании немало редких фотографий, воспроизведений рисунков Городецкого, который был почти профессиональным художником, снимков с титульных листов его ранних книг) не искупает недостатков справочного ее аппарата.

В заключение хочу отметить одну опечатку, существенно меняющую смысл фразы и с трудом поддающуюся исправлению. На с. 201 читаем: «...Ахматова сравнивает теплевы своих стихов с жалобным звуком окраины». На самом деле автор имел в виду ахматовскую строчку: «И слышнее песня окраины...»

Публицистика

Н. Рубцов

С любовью, печалью и гневом

Василий БЕЛОВ
Раздумья на родине
Очерки и статьи. М., «Современник», 1986

Если говорить о проблемно-тематических линиях в современной публицистике, то, очевидно, по количественному и качественному показателю в ней надо выделить деревенскую, особенно активно развивающуюся после исторического постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Факт этот понятный и не требует объяснений особой значимости предмета исследования публицистов.

Примечательно и интересно другое: в публицистике сейчас весьма активно работают не только те, кто сделал ее своей профессией, но и известные писатели, имена которых прочно вошли в советскую литературу. Они не довольствуются возможностью выразить свои наблюдения над деревенской действительностью в беллетристической форме и обращаются к публицистике, используя ее мобильность, неприкрытую страстность, убедительность непосредственно взятого из жизни факта, достоверность статистики.

Видимо, запас знаний и впечатлений особого рода у них так богат, так тревожен и так практически необходим для общественного осмысления, что материал не дает ждать романно-пластического оформления и вызывает к немедленной реакции читателя. «Некогда сидеть за романом закрывшись, когда кругом пожар, — говорил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» Иван Васильев. — Жизнь такая пошла, надо на площадь выйти...».

Обостренное внимание писателей к публицистическим жанрам заставляет не без основания вспомнить «овечкинский» период 50-х годов и говорить о «второй очерковой волне» в послевоенной литературе.

Впрочем, стремление сочетать беллетристику со страстным публицистическим словом следовало бы возвести к Л. Н. Толстому, В. Г. Короленко, Ф. М. Достоевскому, А. И. Герцену, а если идти вглубь истории, то и к первому русскому революционеру и первому «деревенскому» писателю — А. Н. Радищеву.

Вовсе не желая обижать прозаиков какой-либо другой темы, все-таки рискнем высказать мысль, что успехи «деревенской прозы» обязаны во многом не только таланту писателей, но только актуально-жгучему материалу, который, как оптическое стекло, фокусировал в себе и «чисто деревенские», и глобальные проблемы времени. Дело, видимо, и в том, что «освоив этот материал в босоножном золотом детстве», они не теряли с ним связи и тогда, когда меняли место жительства. Оттого так тесно сливаются у них понятия родного и родины, оттого с такой страстью и пишут они о деревне, оставляя, как говорил Л. Толстой, «в чернильнице куски собственного мяса». Поэтому так масштабен патриотизм пишущих о «малой родине» и так всечеловечны проблемы, которые они решают на примерах, казалось бы, частных судеб своих персонажей.

Такие мысли невольно приходят в голову, когда читаешь книгу публицистики В. Белова «Раздумья на родине», куда писатель, кроме документальной повести, дав-

шей название сборнику, включил статьи на самые разнообразные темы. Центральная и, безусловно, самая интересная тема сборника связана с судьбой родной деревни Тимонихи, которую автор считает типичной для всего Нечерноземья.

Сами проблемы, поднимаемые В. Беловым в книге, не назовешь новыми: миграция населения в город, сельские кадры, бездорожье, неперспективные деревни, культура и т. д. Жаль только, что на протяжении почти двух десятилетий они стойко сохраняют свою актуальность. Так стоит ли еще писать об этом, растравляя старые раны или просто демонстрируя индивидуальное стилевое мастерство?

Стоит! Публицисты, как говорил И. Васильев в том же интервью, «готовят общественное сознание к необходимости перемен», и сделать это без стойкости нельзя, как и без надежды на действенную силу слова, на то, что количественные накопления все-таки приведут к качественным изменениям.

Хотя в литературоведческих трудах мы и пытаемся определить законы и принципы публицистики, они остаются все же слишком общими, чтобы ими верить произведения разных авторов. Пропорции фактического и эмоционально-образного материала, композиция, стиль основываются преимущественно на одном факторе — таланте автора. Повествовательная свобода жанра — это чувство меры и вкуса, соотносенные с конечной целью, а художественно-эмоциональный эффект, то есть «умение проводить свои убеждения», что Ф. М. Достоевский считал сутью публицистики, обусловлен и широтой мышления писателя, и глубиной проникновения в социальную сущность проблем, а главное — идейной убежденностью и чувством правды.

Публицистика сейчас редко обходится без документа или статистических данных. Есть они и у В. Белова, предпочитающего, однако, начинать «путь убеждения» с живого человека.

В документальной повести «Раздумья на родине» особое эмоциональное значение имеет тот факт, что писатель оперирует не полученным в творческой командировке материалом, а в «исповедальной» форме предлагает читателю то, что живет постоянно в памяти уроженца этих мест и является предметом постоянных раздумий. Лирическое начало незаметно сростается с аналитическим, автор как бы возрождает повествовательный принцип, открытый в начале 60-х годов Е. Мальцевым, — «войти в каждый дом». Сделать это В. Белову, пожалуй, и проще и тяжелее, чем его предшественнику. Если в 1964 году в деревне Тимониха оставалось 24 двора, то теперь она насчитывает только 6.

Неспешное повествование об односельчанах постепенно вовлекает нас в русло аналитических размышлений автора. Вот история об искусном мастере, построившем двенадцать водяных мельниц и возмечтавшем, по технической и научной наивности, изобрести песочную мельницу с вечным двигателем; вот рассказ о том, как волк зарезал несколько ярок, потому что колхозникам было предписано держать овец на улице, а не в загоне. Вот воспоминание о друге детства Доське, вот комичная и грустная одновременно история женитьбы семидесятилетнего старика, рассказ о Степане Тихонове, покинувшем деревню, о домах с заколоченными окнами, а то и вовсе раскатытых на дрова.

После этого сухая статистика предстает образно-живой суммой знакомых нам судеб. Здесь-то, пожалуй, и выявляется один из «секретов заражения чувствами» (Л. Толстой) в беловской публицистике. Ее эффект таков, что говорить о ней хочется не литературоведческими понятиями, а языком таких же конкретных и эмоциональных фактов, взятых из личного опыта.

В одном месте В. Белов приводит полностью причет, бытующий в Вологодской области, где молодую девицу закливают не ездить за Забыть-реку, не забывать родину.

Ты не пей-ка забытой воды,
Ты забудешь, млада-милая,
Да свою родную сторону.

Очерки, подобные беловским, и не дают нам за символической Забыть-рекой оторваться от истоков, от родины, от того, что осталось в деревне, даже если мы стали городскими жителями, а на родину ездим лишь в отпускные месяцы. Таких пока у нас в стране немало (вспомним, что еще в 1960 г. половина всего населения проживала в деревне), но очерки предназначены и для тех, кто, идя за Забыть-рекой, помнит, что деревня и город — это сообщающиеся сосуды, в которых уровни устанавливаются по законам, гораздо более сложным, чем физические.

Стараясь уяснить характер и особенности перемен, происходящих в Тимонихе и окрестных селах, В. Белов набрасывает впечатляющую картину мазками статистических данных. Поводом для ее создания явилось объявление в газете: «требуется доярка», послужившее заглавием статьи. «Перед войной в районе (при той же территории, проживало 51,2 тысячи человек, а сейчас только 27,7 тысячи. Из этого числа городское население составило соответственно 7,4 тысячи и 13,1 тысячи. Таким образом, число сельских работников сократилось за этот период более чем на тридцать тысяч. Вместе с ним сократились и площади обрабатываемой земли, хотя процесс механизации производства шел достаточно интенсивно».

Тяжелый ущерб людским резервам нанесла не только война, после которой в некоторых деревнях не осталось ни одного мужчины. Процесс обезлюдения продолжался и после войны. В 1959 году в деревнях района проживало 30,5 тысячи человек, а в 1982 году только 14,6 тысячи человек. С 1950 года по настоящее время в районе исчезло с лица земли около ста деревень. «Решающую роль во всем этом сыграло, на мой взгляд, не столько низкое экономическое положение тогдашних хозяйств, сколько административное их объединение, не оправданное местными условиями».

Цифровые данные, прямо скажем, невеселые. Чего стоит в одном месте сноска, состоящая из такой строчки: «В настоящее время детей в деревне нет». Короткая и оголенная, она заставляет вздрогнуть, как от удара током.

Хроническую нехватку кадров в селе нередко объясняли отсутствием жилья. Увы, не все так просто. И даже уход мужчин из села тоже не единственная причина. За семидесятилетие отток мужской силы уменьшился. Во многих случаях ребята из армии возвращаются на родину и, как пишет В. Белов, демографическое равновесие можно было бы восстановить лет через 20—25. Казалось бы, можно только радоваться новым процессам, но если раньше не хватало женихов (вспомним хотя бы драматическую Настю Сыроегиной из повести В. Тендрякова «Подсечка — век короткий»), то теперь настали не более веселые времена, еще пока не отраженные беллетристкой: не хватает невест, и молодые пары, остающиеся в деревне, обрекают себя на одиночество. Горькая судьба холостяков скрашивалась лишь бутылками, которыми их в изобилии снабжали местные магазины.

Было бы слишком просто обвинить в отсутствии патриотизма тех же девушек, которые, прельстившись городским комфортом и индустрией городских развлечений, покидают родные места. Времена «пустопорожних трудодней» прошли уже давно, но уповать на то, что проблема решится силовыми методами или призывами десятиклассникам оставаться работать на фермах, не приходится. Видимо, нужны меры, всесторонне учитывающие такую сложную и такую необходимую реалию, как человеческий фактор. Одна из составляющих ее величин — осознание того, что можно, а что нежелательно делать женщине на производстве. «Несмотря на механизацию, — пишет В. Белов, — труд животновода женщины

увы, все-таки не подходит, он все-таки подходит больше мужчинам».

Да и только ли о животноводстве нужно было бы говорить, если задуматься о женских профессиях?! «Мы уступаем женщине место в автобусе, помогаем нести тяжелый чемодан. И одновременно восхищаемся дояркой, которая вручную выдоила пять тонн молока. С душевным зосторгом строчим очерки о бетонщиках, о девушках-врачах, которые в мороз и метель за десятки верст бредут на лыжах к тяжелобольному. Нет, восхищаться тут, в общем-то, нечем».

К той же проблеме кадров имеют прямое отношение факты, которые писатель приводит в книге. Вот женщина с больными ногами идет еле проходимыми проселками одиннадцать километров до ближайшего медпункта и, не найдя на месте фельдшерицу, довольствуется помощью ветеринара, а другой больной вынужден извлекаться от зуба посредством сапожных клещей. Между тем по существующему положению Министерства здравоохранения медпункт можно открыть только в поселке, где живет от 700 до 900 человек. Что же говорить о таких Тимонихах, объявленных «неперспективными» в эпоху форсированного объединения хозяйств?

Немало и других «тугих узлов» в нынешней деревне. Здесь было бы уместно вспомнить письмо Ф. Абрамова своим землякам, в котором писатель упрекал крестьян в равнодушии, стремлении к легкой жизни и забвении старых трудовых традиций. Доводы писателя, как известно, не были приняты односельчанами, видевшими причины недостатков в деревне не только и не столько там, где их видел Ф. Абрамов.

В. Белов вряд ли будет обвинять жителей Тимонихи или какой-либо соседней деревни в их же собственных бедах, хотя недаром вспомнит своего деда, не терпевшего бездельников ни в доме, ни в колхозе, и вполне резонно напишет о том, что «полная эмансипация от всего, что было в прошлом, делает человека безответственным по отношению к обществу», но времена «программных очерков», кажется, уже не вернутся, по крайней мере в том виде, в котором они существовали в «овечкинский период» в нашей литературе. А на борьбу с теми явлениями, которые так тревожат В. Белова, ныне направлена программа действий, намеченных XXVII съездом КПСС, хотя выполнить ее будет нелегко, особенно если о человеческом факторе и социальной справедливости будем говорить только с трибуны.

С гневом пишет В. Белов о тех, кто стали вольными или невольными виновниками неурядиц в сельском хозяйстве. Конечно, он не может сбросить со счетов объективные причины (а их было немало в нашей истории), но главную причину видит в бездумном администрировании, в бюрократизме, которые делали исходным тезисом своей деятельности формулу: «люди существуют для планов и посевных площадей», а не наоборот. Бескомпромиссно — резко ставит писатель вопрос не только об экономической, но и культурно-нравственной ответственности руководителей на всех ступенях. Ответственность для него бывает только личная, а «если и бывает коллективная, то только как сумма личных ответственностей». Что ж, здесь можно вспомнить известные строки Н. А. Некрасова: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей». Размышления о судьбе крестьянства, а еще шире — о судьбе родины — вполне органично включили в себя проблемы современного искусства, средств массовой информации и их роли в воспитании людей, особенно молодого поколения. Не все, очевидно, согласятся с некоторыми крайними выводами из наблюдений писателя над программами радио и телевидения: вряд ли песенка о всевышних качелях угрожает заразить детей на всю жизнь беззаботностью, а сеансы аэробики по телевидению познания нравственности взрослого населения. Но основной пафос этих размышлений о массовой культуре все же справедлив и заботит не только одного В. Белова: без-

думное подражание не лучшим западным образцам на советской эстраде обязано только куцему мышлению тех «культуртрегеров», которые все так называемое модное, современное спешат немедленно внедрить в наш быт в ущерб отечественному, традиционному.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы утвердить ненужный и приводящий к обратным результатам пуританизм, а о серьезных социально-психологических исследованиях сути проблемы. К сожалению, наука здесь пока еще не выступала в качестве путевода.

Истины ради надо сказать, что не все в сборнике равноценно, что большая взыскательность автора и редактора к отбору материала привела бы их к мысли о необязательности соседства некоторых статей, имеющих частный характер, с серьезными публицистическими раздумьями о деревне.

Этого не скажешь, однако, читая «Дважды в году — весна». Типичные туристические заметки о путешествии по Европе, казалось бы, не имеют никакого отношения к заявленной на обложке теме. Но недаром говорят: что смотреть, как видеть и что думать при этом. Здесь-то и обнаруживается национальность человека, его профессия, характер, пристрастия. Такая «субъективность», «личностность» восприятия в традициях нашей отечественной литературы (вспомнить хотя бы Гоголя, Толстого, Маяковского, Есенина). Страницы очерка рисуют человека, озбоченного судьбами отечественной культуры, писателя, чувствующего повышенную ответственность таланта перед родиной, болеющего за содержательность и нравственную чистоту искусства. У В. Белова, видимо, есть особый интерес к личности и творчеству Микеланджело, разразившего его титаническим гением архитектуры, живописи, слова, а главное — подвижничеством во имя искусства. Отсюда и категорическое неприятие попыток иных самонадеянных авторов создать образ великого итальянца с помощью весьма скудных и часто сомнительных документов.

И вместе с тем мысль путешествующего писателя, жадно и торопливо впитывающего впечатления от Рима, Сицилии, Флоренции, постоянно возвращается на родину: к Киеву, Владимиру, Перми, острову Спас-Камень на Кубенском озере в Вологодчине, к русской истории.

Так оно, наверное, и должно быть. Патриотизм не противопоставлен уважению к иноземным достижениям, ибо они полнее всего выражают дух другого народа, родственного в своих основных устремлениях твоему собственному. Но каким бы величием ни дышало иноземное, какой восторг ни вызывало бы, оно не заставит патриота забыть или принизить свое, национальное. Это истинно патристическая и истинно всечеловеческая черта, которую еще раз доказывает В. Белов своим очерком. Даже древняя история наводит автора на размышления о современных проблемах.

«Сейчас мне особенно неприятно латинское аристократическое пижонство, связанное с презрением к земледельческому труду. Не знаю, как в современной Италии, но во многих других местах оно в целостности и сохранности дошло до наших времен». И далее следует рассказ о том, как Тиберий Гракх призвал к восстановлению исчезнувшего класса мелких землевладельцев, стараясь спасти Рим от грозящих бедствий. «Но Тиберий Гракх был убит, а за его голову было обещано столько золота, сколько она весит. Какой-то благородный прохвост отыскал тело, отделил голову от трупа, залил мозг крестьянского заступника свинцом и положил на чашу весов».

Вспоминается, как С. Шуртаков в очерке «Земля, на которой мы живем», волнуемый теми же проблемами, что и В. Белов, цитировал греческого мудреца Сократа: «Земля дает обрабатывающему ее все необходимое для жизни, прибавляя еще и то, что услаждает существование. Земледелие является источником и благосостояния, и удовольствия... Доставляя нам все в изобилии, земледелие, кроме того, не поощряет лениности...»

Хорошие мысли, оказывается, высказывались еще много сотен лет до нашей эры. Но приходится принять иронию В. Белова о том, что «мало оставляет за собой течение истории, если из его отложений каким-нибудь *слособом вычесть искусство*».

В. Белов обращается к истории вовсе не потому, что чувствует исчерпанность аргументов современности, а для того, чтобы восстановить неоспоримое право на уважение к ней. История, будь она очень давней, восходящей к вольнолюбивым новгородским ушкуйникам, заложившим вологодские деревни, или совсем недалекая, скажем, 30-е годы или первые послевоенные, может дать ответ на многие вопросы современности, возведенные в степень хронических. В ней и объяснение жизнестойкости крестьянина, и его смиренно-пассивное отношение к превратностям судьбы, чем, как мы помним, отличался герой «Привычного дела», и того в высшей степени нежелательного процесса миграции из деревни в город.

Вообще, думается, отношения писателя с историей несколько более сложные, чем те, какими представили их некоторые критики, то одобрявшие, то упрекавшие В. Белова в идеализации патриархального уклада деревни.

Вот сравнительно недавно один из них, признавая книгу «Лад» «поэмой о труженической народной нравственности», тем не менее не удержался от незамысловатой игры созвучных слов: «...не слишком ли подправлен кое-где податливый жизненный материал? — спрашивает он. — Не слишком ли преувеличена им (В. Беловым — Н. Р.) сила естественного ритма, цикличности, последовательности дел, рождений, свадеб, побеждающая в мужицкой ноосфере все перебои, все разлады.... Семена так отсеяны В. Беловым от плевел, «лад» — от «разлада», что часто вместо лада мы видим лак...»

Можно прямо-таки подумать, что описанием быта — лада В. Белов зазывал своего читателя в идиллическую пучину, где скрылась старая «крестьянская Атлантида». Автор статьи предъявляет к книге В. Белова требования не меньшие, чем к социально-историческому исследованию, а не к очеркам народной эстетики, в которой многовековой трудовой практикой отобрано все целесообразное и нравственно-здоровое в крестьянской жизни.

«Раздумья на родине», как впрочем, и другие произведения, свидетельствуют, что В. Белов вполне реально представляет прошлое для того, чтобы не делать его моделью настоящего. Он знает, как бабы рожали прямо на полосе, а через восемь часов уже брали в руки косу или подойник, знает, как трехлетние дети бегали босиком по снегу, пока к восьми годам не получали свои первые сапоги, знает, какие скандальные истории происходили, если девушка уходила замуж «самоходкой», знает и безграмотность, и повсеместное невежество, и многое другое, что не вызовет у нормального человека ностальгии.

Знает он и унижительную вечную зависимость крестьянина от хозяев (хотя в Вологодской губернии было только 26 % крепостных), некоторые жители Тимонихи вплоть до революции платили какие-то мифические долги в казну. «Мужик же работал и не знал о том, что кому-то принадлежит, потом узнавал, и как-то уж так получалось, что свикался. Надо же было кому-то принадлежать... И как только его приучили к мысли, что он принадлежит, все пошло как по маслу». Опять ирония? Пожалуй. Но и не только она. Да и современный крестьянин, несущий на себе печать наследия далекого и недалекого прошлого, под реалистическим пером В. Белова отнюдь не всегда выглядит образцом культуры, достойным идеализации.

Отвечая на вопросы главного редактора «Литературной учебной», В. Белов говорил: «Помимо других свойств, подчас даже необъяснимых с точки зрения науки, в понятие «талант» входит... и такое свойство характера, как мужество». Писатель умеет мужественно смотреть в лицо истории и современности, именно это и рождает в его книге оптимизм, основанный на вере в способность народа распорядиться своим будущим.

В. Пискунов

«Летающие пятна пути»

Андрей БЕЛЫЙ
Армения

Очерк, письма, воспоминания. Ереван, «Советакан грох», 1985

Пушкинское «от финских хладных скал до пламя Колхиды», «всемирная русская отзывчивость», как ска у Достоевского, блоковское «нам внятно все...» — в сокровенных строках, памятных каждому, определено из главных свойств природы русского человека, подчас та важнейшая сторона нашего духовного склада и национального мироощущения. Вот и совсем недавние строки стали опорными в размышлениях «о русском демике Д. С. Лихачева, который обоснованно отнес рес к другим народам и культурам, к чудному (но не дому!) опыту за счет традиционного русского правдательства, поставил в прямую связь с поисками «всезидей идеи». Русский человек, убежден ученый, ощущая в XIX столетии «всеевропейцем». Век спустя, в XX преодолевает и этот кругозор, осознавая собственную частность всему миру.

К числу писателей начала века, «сказавших о России боковое, значительное слово» (а это значит помысливш в контексте судеб человечества), современники относ Андрея Белого — соратника В. Брюсова и А. Блока по волизу, крупного поэта, прозаика, филолога, прошедшего сложный путь развития и ставшего — одним из вых! — в ряды строителей молодой советской культуры.

Отзывчивость А. Белого к жизни других стран и дов не в малой степени обеспечена биографией писателя, за которым прочно утвердилось прозвание: «собиратель пространств». Действительно, «вечное скитальческое «странничество» сопутствовали ему на протяжении всей жизни.

Я просторов рыдающий сторож,
Исходивший великую Русь, —

исповедался поэт в стихотворении с характерно-красноречивым заголовком «Полевой пророк». А кроме сии, он исколесил чуть ли не полмира и запечатлел в произведениях «летающие пятна пути» по дорогам континентов — Европы, Азии, Африки. Уже первая поездка за границу, жизнь в Мюнхене и Париже 1906—1907 гг. А. Белый бежал, потрясенный зрелищем разгромной революции, задохнувшейся в атмосфере «огарчества» отражены в мемуарной книге «Между двух люций». С 1910 по 1918 г. — целая полоса новых путешествий. В рукописном отделе Библиотеки им. Ленина хранится собственноручный перечень маршрутов писателя, который включает в себя около 60 зарубежных названий: Лия, Алжир, Тунис, Египет, «многозорная Норвегия», мания, «приветливый Брюссель», «университетский, пыльный Базель», «задумчивый Страсбург», многошумный риж», «зубчатая Прага»... — меняются страны, земли, да, отлагая «в душе свой дар», прорастая образами и тинами будущих книг: «Путевых заметок», дневник цикла «На перевале», автобиографической трилогии писки чудака», знаменитых трех томов мемуаров «Между двух веков», «В начале века», «Между двух реций», — которые, увы, никак не дожждутся своего издания.

«Вечное в пути» — способ человеческого и творческого существования А. Белого также и в послеоктябрьские «Любопытство познания» влечет писателя то по горам России, то на Украину и в Крым. Поездка по Грузии